

Татьяна Мудрая

ДОБРОЙ
СМЕРТИ
ВСЕМ
ВАМ...

Татьяна Мудрая

Доброй смерти всем вам...

«Автор»

2013

Мудрая Т.

Доброй смерти всем вам... / Т. Мудрая — «Автор», 2013

Они появились одновременно с хомо и сопровождают его повсюду, как его устрашающая и в то же время совершенная копия. Они спасают ведьм и еретиков от мучений на костре, инквизиторов – от смертного пота. А начиная с Нового времени – улучшают статистику суицида, «под заказ» имитируя гибель от сердечной недостаточности и прочего в том же духе. Спасают честь, достоинство и достояние. Защищают от боли и позора, связанных с насильственной смертью. В какой-то мере способствуют реинкарнации своих подопечных. Рождают детей по обоюдной страстной любви и радуются им. Но случаются моменты, когда перед самими диргами – так называют эти существа – встают сложнейшие проблемы: самым юным из них хочется вернуть назад свою обыкновенность, свою будто бы утраченную человечность, наконец – свою смерть. Но не иллюзия ли всё это?

© Мудрая Т., 2013

© Автор, 2013

Содержание

1. Хьярвард	5
2. Трюгви	8
3. Хьярвард	11
4. Рунфрид	14
5. Трюгви	19
6. Синдри	23
7. Трюгви	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Татьяна Мудрая

Доброй смерти всем вам...

1. Хьярвард

Мы практически неотличимы от вас. Хорошо, но без вызова одеты – нет, ни в коем случае не в чёрное, последнее обрело статус пошлости куда раньше известного сериала о «мэнз ин блэк». Серый, в еле заметную полоску костюм-двойка для мужчин, кремовый свитер-поло и бледно-голубые джинсы для женщин. Обувь экологических фирм и рациональных форм. Лайковые перчатки или нечто не менее изящное, если нельзя обойтись вообще без них. Это весьма обобщённый абрис. Мало кто замечает, например, какая рубашка или джемпер надеты под пиджак и что за надпись украшает узкую полоску между отворотом брюк и краем башмака, серебром какой пробы отмечены старомодная булавка в петлице или этнический браслет на запястье. Неброское совершенство. Золота мы, кстати, избегаем, как и прозрачных самоцветов с их нагловатой игрой. По причинам исключительно эстетического характера. Вот яшмовый или халцедоновый булыжник в тонкой оправе попадает в самый центр мишени.

Если мы поселяемся в местах, где наблюдается регулярная смена сезонов, поверх всего накидывается манти-кут: любимое маршалом Монтгомери двубортное полупальто из «верблюжки» с капюшоном и клетчатой подкладкой, застёгивающееся на роговые пуговицы в виде волчьих клыков. На голове красуется лихой берет сдержанных тонов. Разумеется, экватор диктует иную моду, но по обычаю мы все равно закрываем тело вплоть до щиколоток и кистей рук. В Сибири и на Аляске, к тому же, носим этническую одежду; так что беспокоиться о том, чтобы мы не замёрзли, не стоит труда. Абсолютно не стоит. Имею в виду – вообще. Температура тела стабильная, познание крепкое, по пульсу можно сверять секундомер.

Мы практически никогда не ездим на велосипедах и скутерах, мотоциклы и автомобили выбираем солидных, но не роскошных и уж, во всяком случае, не «продвинутых» и «знаковых» марок. Нет нам нужды и в повышенной проходимости транспорта. В личных вертолётах и авиатках – тоже.

Простите, «вертушках» и самолётах-мини. За выбором слов зачастую приходится следить – иначе рискуешь быть неверно понятым. Или понятым слишком верно.

С виду мы не такие уж европеоиды – при нынешнем смешении расовых признаков это бы слишком бросалось в глаза. Опять же, как в случае ювелирных предметов, – признак дурного вкуса. Хотя благородно темнокожих среди нас не встретишь, увы. В этом никто из нас не повинен – так сложилось исторически.

И писаных-переписанных красавцев и красавиц тоже не найдёшь. Хотя мы отнюдь не уроды: умеренно высокий рост, лёгкая (раньше говорили «аскетическая», нынче – «спортивная») худоба, чистая кожа, приятные черты лица. Смесь не более чем двух этнических типов, находящихся в ладу с самими собой. Выдам небольшую тайну: правый и левый профили у нас абсолютно сходны, если не считать мелких родинок (довольно часто) и шрамов (почти никогда). Популярнейший опыт, ставший таким лёгким благодаря спецэффектам рисовальных программ, в нашем случае вместо пары сестёр или братьев выдаёт совершеннейших близнецов. Возможно, оттого мы не двуличны, в противоположность большинству смертных. На уровне подсознания это их привлекает, но чаще – отпугивает. Ещё чаще происходит то и другое сразу. Учёные давно заметили, что человеческая физиономия, по своей природе изменчивая настолько, что обратить её в портрет – весьма непростое дело, обретает искомое постоянство и симметрию лишь в восковом подобию. Иначе говоря – в посмертной маске. Смерть делает идеальным.

Также мы не склонны оседать на одном месте и, так сказать, вращаться в него корнями. Если выпало в Империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря, не так ли? А возвышение и низвержение империй с городами происходит постоянно – вот и приходится кочевать, ища не лучшего от хорошего, но всего лишь места, где тебя если обчистят, то умеренно, а коли прибьют, то не до самой смерти. (Хотя смерть в философском смысле – условное понятие.) Так действовали родовитые космополиты; в нынешний век миграций это не указывает ни на какую прирождённую злобность.

В общем и целом, если собрать достаточное число нас в одном месте, мы невольно выдадим себя как родовым сходством, так и отчётливой инаковостью. Но это нужно ещё немало постараться. Исхитриться, одними словами. Я имею в виду в равной степени и тех, кто бросает приманку и сопоставляет, и тех, кто приманку заглатывает – с единственной целью нарочно дезавуировать себя. Поохотиться на охотника и подцепить на крючок рыболова. Раньше приходилось быть настороже и защищать наших дерзких отпрысков.

Теперь никому из людей не хочется давать нам какое-либо определение.

А ловить ловцов ныне без надобности. Сами набегают.

Наш народ гораздо меньше вашего: пропорция примерно один к десяти тысячам, банзай! Вас двадцать пять миллионов – нас две тысячи с половиной. Вас семь миллиардов – нас семьсот тысяч. Ложка соли в океане пресной воды. В мире сплошных мегаполисов концентрация возрастает, но это нисколько нам не вредит, напротив: святому отшельнику труднее сохранить инкогнито, чем грешному гражданину Вселенной, с головы до пят обложенному правильно составленными бумагами. Хитрить со всеобщей паспортной системой мы, кстати, начали ещё тогда, когда вид на жительство вдавливался остроугольным стилем во влажную глину. Это никакая не проблема: в многомиллионной деревне проворачивать наши дела куда проще, чем в обычной, тем более когда везде имеются свои люди.

Главное село государства по имени Стекольна – великолепная, сверхсовременная крыша для моей личной семьи. Поскольку невдалеке расположена резиденция Патриарха, местные секонд-хенды и салоны подержанных иномарок переполнены элитным товаром, коему лёгкая потёртость и обкатанность лишь придают стиль. Продукты можно купить, если захочется, у мелких фермеров, которые избегают химии и генных модификаций, а что дом или квартиру приходится арендовать – оно при наших родовых и семейных привычках несравненно удобнее, чем без конца вступать в отношения купли-продажи.

Да-да, вы поняли верно. У нас тоже есть семьи, которые любят держаться вместе, невзирая на то, что вероятность обнаружения оттого повышается. Терминология, как и несколькими фразами выше, – не моя; полицейская. Мне приходится обеспечивать взятками спокойствие моей жены, милого паренька по имени Трюгви, названных дочерей Рунфрид и Синдри – а кроме них, трёх (обычно – даже более) наших **почек**, которые пока не имеют истинных имен: только фигурирующие во взрослых паспортах.

Нет, люди ошибаются, именуя наших детей «птенцами» и считая, что мы иницируем самих смертных. Также тех, кто отчасти посвящён в наши тайны, нередко повергает в непристойный трепет идея, что жена имеет одинаковый с мужем пол. Нам же, напротив, кажется сущей нелепостью такой поистине человеческий вопрос: «Неужели Рун – не ваша родная дочка, Хьяр? Вы похожи почти как две капли воды, не считая цвета волос».

Люди не то чтобы не осведомлены. Им просто не хватает логики понять: не-смертный мужчина способен родить только мальчика, девочки – прерогатива наших женщин. Или, быть может, у них иное представление о половой принадлежности: родил – значит безо всяких «она». Или они не вникают в грамматику и смысл наших истинных (и по большей части тайных) имён.

Между прочим, моё собственное означает «Друг Меча», Трюгви – «Верный», Рунфрид – «Прекрасная Тайна», а юной Синдри – «Искорка». Зная это, вникнуть в суть дела весьма легко.

Но не в нашу собственную суть: здесь любой разум лишь царапает когтем по поверхности закалённого стекла.

Как все, кто способен стать отцом или матерью, мы после того стареем. Это словно качели: вверх-вниз. От зрелости – снова к юности. Каждая клетка человека, взятая сама по себе, не знает смерти. Не ведаёт её и крошечная, с полсантиметра в диаметре, медуза, которая, размножившись, переходит в ювенильную форму. Так и мы. Рождение дитяти обновляет наши собственные живые частицы, поворачивая время вспять.

Вы спросите, как мы, в таком случае, родим?

Не как млекопитающие и яйцекладущие. Не как амфибии и рептилии, вовсе нет.

В этом, как и в долголети, мы подобны деревьям. От нас отделяются клоны: один фантаст назвал такое существо **дагором** и уверил людей, что оно – злостный паразит. Но это не так, напротив.

Что происходит, когда мы зачинаем ребёнка?

Сначала репродуктивные органы одного из нас разбухают и начинают слегка ныть. Затем клетка с одинарным набором хромосом выделяется из слипшейся массы таких же, расщепляет себя надвое, и начинается внутриядерная кадрили. Во время неё вся клетка дрейфует к поверхности тела, укореняется напротив солнечного сплетения и обращается в тугую гроздь винограда. Затем, вырастая, опускается к точке высшей искренности, называемой у японцев «хара». Женщинам нетрудно замаскировать подобное подобным, нам, к великому сожалению, невозможно. Иметь тугое брюшко – позор для тех, кто держит себя прямыми денди. Приходится не выходить **на люди**... Сомнительная острота.

По счастью, с момента первичного деления до того времени, когда новое существо проклюнется полностью и повиснет на толстой мясистой ножке, минует не более шестидесяти дней. С этим можно справиться. Другое дело – когда пуповина отсохла или перерезана и надо тщательно скрывать от смертных взглядов крошечную, бледную куколку-индиго размером в ладонь. Куколка ничего не ест, жадно пьёт из сосцов родителя – хоть и не обычное молоко; всё поглощённое без остатка идёт в дело, ей не приходится менять подгузники, но сама она с бойким лепетом передвигается на карачках по всей квартире, впитывая знание со скоростью двести километров в час, и унять это никак невозможно!

Ибо мы гордимся нашими гениальными детьми и не хотим своей волей низводить их до уровня просто разумных. Скажем, таких, какими большинство куколок становится уже в стадии личинки, плавно перетекающей в имаго. Мысли наших подрастающих питомцев по-прежнему обретаются внутри головы, они говорят не лучше и не хуже прежнего, им по-прежнему необходимо чередовать день с ночью и сон с бодрствованием. И они во всех смыслах бескрылы. Такими и вырастают – годам примерно к двадцати. Типичные люди по виду.

И всё же по-настоящему жаль одного: и дети, и разочарования в них возникают у нас редко.

Я не открыл вам, мои предполагаемые слушатели, самого главного. Чем живы мы сами и что побуждает наших отпрысков обособляться.

А теперь забудьте все незаданные вопросы и все полученные ответы. Я, старый Хьярвард с внешностью мужа в самом цвете лет, приказываю это вам и запечатаваю приказ своим сильным словом.

До поры до времени пусть и остаётся так.

2. Трюгви

Папочка Хьяр выражается очень метко, но в то же время кудряво и витиевато – и меня тому же учит. Своего бессменного летописца, ага.

Не обинуясь говорит сплошными обиняками: сказывается благородное воспитание.

Денди, тоже мне. Когда мы в четыре руки перетрахируем весовой секунд в поисках особо прикольных вещей, местные жители морщатся и знай косят горячим глазом на симпатичную парочку натуральных геев. Что я по человеческим меркам гожусь ему в сыновья, не спасает никак. Глупость полная: многое ли в нашей жизни меняется от того, что у одних особей имеется некое триединое украшение, а у других приятная впадинка? Родим-то все на одинаковый манер. Пожалуй, если ты крепко влюблён, почки возникают чаще: раз в пятьдесят-шестьдесят лет против ста. Но вовсе не по причине, лежащей на поверхности.

Раз мой супруг подsunул мне фантастическую повестушку про высокоразумный смерч. Там малец отделился от папочки, когда тот был увлечён человеческой женщиной и повсюду носил её на руках... Простите, в вихревых извивах. Потом и сынок, благодаря ущербной наследственности, втюрился в похожую красотку. Чем-то не вполне гламурным это закончилось, однако. Разочарованием и смертями. Одну уронили, а некто и сам отказался от чересчур экстравагантной любви и родов.

У нас получается очень похоже, но совсем не так. Для начала требуется хорошенько напиться, а под конец – повторить. Кустарю-одиночке это даётся нелегко.

Я раньше времени ступил на скользкую почву. Зайду-ка с другого конца, пожалуй.

Мы, то бишь макарони, денди, франты, фланёры и метросексуалы, любим насыщенный стиль жизни. Это порядочные деньги даже с учётом всяческой экономии. Мы не имеем права быть скупцами – ноблесс оближет. Мы не так богаты, чтобы иметь сколько-нибудь личных накоплений.

Как мы зарабатываем на жизнь?

Честно исполняя заказы. Нанося визиты. Подправляя официальным властям циферки в отчёте.

Как бы это сказать поизящней. Чем более развита цивилизация, чем более она благополучна и далека от проблем элементарного выживания, тем выше процент самоубийств. Когда тебе влом думать над смыслом своего личного бытия и пока ты ещё во многом зверь – этот психоз тебе никак не грозит.

Но как только человек осмелился подняться с колен... простите, рухнуть с дуба наземь...

Ну, вы поняли.

Тут его как раз подстерегли мы.

Далеко не такие культурные и уравновешенные, как теперь, но чертовски умные.

О нас, диргах или дергах – это словцо прилепилось давно и накрепко, – шла дурная слава. Мы нюхом чуяли слабину прямоходящих иного рода, чем мы, и когда в них начинала иссякать жизненная мощь, нападали и выпивали их досуха. Убивали, одним словом.

Но, повторяю, лишь тогда, когда сами они на это отчасти напрашивались. В том числе и дети; и женщины с малыми детьми; и беременные.

Вот что не осмелился выговорить вслух мой славный Друг Меча.

Мифы и легенды говорят, что мы пришли на Землю задолго до появления человека – вместе с теплокровными, с которых мы тоже брали свою дань, однако не соединялись так плотно, как с царями природы. Хищники среди более мелких хищников – и только. Лишь потом мы совершенствовались от рождения к рождению – медленно и верно. Когда появление потомства не ограничено полом, это способствует эволюции. В отличие от длины жизни и невозможности выносить под кожей более одного младенца, которые, наоборот, эволюции мешают.

В самом начале, говорят наши учёные, мы жили не дольше мастодонтов. Это потом природа расщедрилась, подарив нам практическое бессмертие. Нас можно лишь убить: с великим трудом и на определённых условиях. Когда захотим сами.

Ну да, вы поняли: мы вампиры. Мрачная тень человека. Тёмный эльф. Слова «дирг-дью» (женщина-кровопийца) и «дирг-даль» (мужчина-кровосос) именно это и означают. Мы видим здесь ещё и символику оружия: **дирк** – это длиннющий кинжал. Того же рода занятий, что и мы.

А ещё нас прозывали «бледными волками» – как они, так и мы производили в человеческом стаде направленную селекцию. Надо было очень активно любить жизнь, чтобы суметь противостоять Одиноким Охотам. (В отличие от наших четвероногих собратьев, мы редко нападали стаей.) И как самих волков, нас тоже ненавидели и пытались истребить. С несколько меньшим успехом. В одном из западных городов стоит памятник волку: в честь нас монументы пока сооружать не пытались. Зато научились уважать и тех, и других. Тут ещё вот какое дело: североамериканские индейцы и один милый европейский народ, литвины, издавна гордятся своим «волчьим» происхождением. У индейцев тотем, у литвинов все знаменитые вожди ходят в оборотнях.

Что до наших потомков – тут папа Хьяр наговорил много чего. По-моему, это никак не клоны, в том смысле, что не наши абсолютные двойники. Ну да, они почти все поголовно светленькие и хорошенькие, зубки с первого же дня на месте – но и только.

А чтобы понять почему, надо снова отступить в историю.

До наступления христианской эры к нам относились как к злобным, но богам. Никто не смел и думать, что мы обитаем на одном уровне с людьми.

Когда, как водится, нас всем скопом присоединили к нечистой силе (сатиры, нимфы, никсы, кентавры, псоглавцы и иже с ними), нам это польстило и стало неиссякаемым источником исторических анекдотов. В самом деле! Анафема нам как с гуся вода. Отрубленная голова втихомолку прирастает и даже при необходимости притягивается к телу. Петля не душит – мы обходимся крайне малым количеством кислорода – и собственный вес не рвёт нам позвоночник, крепкий, будто у фокстерьера. На кострах мы сжигаемся неэффектно. Тлеем себе помаленьку, обращаясь в плотный уголь. Вы тут же вспомнили противоположное? А-а. Дело в том, что обычная смерть переживших себя диргов – самовозгорание. Помните, как его боялись в восемнадцатом-девятнадцатом веках все, вплоть до писателя Диккенса, пока не решили, что это полная чушь? А «Секретные материалы» по ти-ви небось смотрели? Холодный термояд внутри молекул и прочее. Организм как планетарная система – расстояние от частицы до частицы, как промеж небесных тел. Отчего и одежда не горит – не достаёт до неё внутренний огонь. Эстетная и практически безболезненная гибель. В общем, решайте сами, верить или нет. Мы даём людям такую возможность, в отличие от... от некоторых их соплеменников, одарённых сугубой духовной харизмой, скажем так.

Война с нами шла, таким образом, по преимуществу на идеологическом уровне. «Чёрный» пиар. И что проку? Если какой-нибудь смертный, завидуя телесной броне и долголетию диргов, обращался к нам с просьбой обратить его в нашего соплеменника, мы не могли этого сделать. Никак. Снова нарушение стереотипа? Не совсем. Люди, как и вампиры, могут обращаться в ходячих мертвецов. С той же степенью вероятности и достоверности. Только первые, по слухам, гораздо активнее и опаснее последних – а кому охота иметь заботы на свою голову! И не нужно пока об зомби.

Но вот когда правоверное христианство окончательно сформулировало и распространило почти по всей планете понимание суицида как великого греха перед Всевышним. Стало отказывать в погребении, волочить труп за ноги по всему городу, судить и казнить с помощью палача тех, кому не посчастливилось сделать такое самостоятельно, ругаться и издеваться – а потом забирать в пользу церкви и короны тощие пожитки осиротевших семей.

Тогда некоторые стали обращаться к диргам приватно – ради обоюдной пользы. В обычной жизни нам не нужен океан крови: мы вполне обучились аскетизму и самоконтролю. Мы не оставляем улик в виде ран и полного опустошения. Мы впрыскиваем в чужую плоть наш собственный эндорфин – оттого процедура изъятия проходит безболезненно и даже бывает очень приятной для донора. (Между прочим, из-за этого впрыска и возникло суеверие насчёт того, как создаются вампиры-новички.) У человека останавливается дыхание, сладко замирает сердце, кружится голова, как при подъеме на горную вершину. Потом мозг отключается. И – всё. Пристойный труп, достойные похороны, не вызывающая нареканий смерть. Все как один довольны.

В том числе, как оказалось, и государства, в границах которых мы обитали.

Это их правительства первыми навели мосты. Сначала – когда поняли, что убеждённым суицидникам нужна не причина – она всегда одинакова, – а повод, причём любой. А всё возрастающее благополучие и есть та самая причина. С поводами ещё можно справиться – но как одолеть естественное стремление человечества к счастью?

Мы всегда рядом. Мы надёжны. Мы традиционны. Нас не приходится обдумывать, взвешивать и запасать по фальшивому рецепту. С нами нет нужды спешить и угадывать момент. Мы одним своим наличием улучшаем статистические показатели и повышаем чужую рождаемость.

Видите ли, у людей стремление продолжить свой род на психическом и даже на физиологическом уровне связано с острым ощущением жизни. Наслаждение, а не постылая ноша. Риск, но не прозябание. Как-то так. Уж поверьте молодому диргу и его приятелям – врачам, припечатанным клятвой и дипломом.

Скажу ещё.

В ритуале есть два непереносимых условия – их должны соблюдать все дирги. Но это несколько нас не обременяет. Вот только чуточку лень постфактум записывать излияния старинным способом, на бумагу. И каждое утро делать особого вида маникюр. На всякий случай – вдруг пёрышка поблизости не окажется.

И, разумеется, нас должны сначала вызвать. Стандартная процедура. Поскольку правая рука не хочет знать, что творит левая, всё обставляется как частное дело: шифрованный звонок по телефону, письмо обтекаемых форм, такой же ответ. В последнее время – сношение по Инету. Договорённость о деловом или, по выбору, любовном свидании. Никто не захочет помешать, потому что и у него может возникнуть нужда в нас. А самые упёртые наши противники к тому же и трусливы. Они не знают нашей силы и влияния – и нипочём не пожелают их измерить, тем более испытать на себе.

О. Простите покорно, я, кажется, давно уже говорю выпенным голосом моего старшего. Секретный секретарь. Вот же засада!

3. Хьярвард

В конечном счёте религия борется не с нами. Она постоянно скрешивает шпаги со своей любимой служанкой. «Есть лишь одна по-настоящему серьёзная *философская* проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос *философии*», – говорил мой друг Альбер Камю, курсив мой. Для клирика и его кротких подопечных названной выше проблемы не существует. Дар Божий – и точка. Что дарящий по большому счёту не имеет право указывать тебе, как именно распорядиться презентом, и тем более забирать его назад своей властной волей – этого они не учитывают. Не хочешь принимать подарок на таких условиях – не принимай. Но если от тебя (вброшенного в холод и орущего с перепугу слизняка) ничего не зависит, то ты ничем и не обязан высшей силе. При этом сами дары (не одна только жизнь) можно употребить по-всякому. Почему их непременно надо проживать, как состояние? Родительское, имею в виду. Отец мой Ингольв, Волк Короля, уделил мне изрядную толику своего здравого смысла. Однако в день моего совершеннолетия этого оказалось до прискорбия мало. Пришлось поставить на карту и прокутить всё, что во мне тогда имелось.

Начнем, однако, с начала. Когда старшие в семье объявляют молодого дирга взрослым и как следует обученным, по его первому вызову идут сразу двое. Чтобы проконтролировать новичка и при случае поддержать своей мощью, телесной и нравственной. Вмешательство старшего допустимо, лишь если молодой конкретно проваливает дело. **Ставит на грань провала**, вот именно. (Кажется, мальчишка Трюгви заразил меня своей лексикой.

Не в те времена: тогда его ещё и на свете не было.)

Августовским вечером тысяча семьсот семидесятого года, вынуд документ из потайного места, мы с моим старшим братом по имени **Гудбранд** Добрый Меч, ныне покойным, спешно взяли экипаж и отправились в Холборн. Это был один из бедных, но довольно благополучных районов столицы, поэтому брат удивился, когда застал дверь чердачной каморки запертой: при том, что ошибиться адресом или смыслом вызова мы не могли никак.

– От нас отказались? – спросил я на ментале и весьма быстро.

– При моей жизни такого не бывало, – ответил брат в той же манере. – Нет, разумеется, сие допустимо, но ведь все они понимают, что запирается не имеет никакого смысла.

– Ключ торчит с той стороны скважины.

Он кивнул.

Вцепиться в бородку узко заточенными ногтями и поработать этой импровизированной отмычкой не составило мне никакого труда. Гудбранд вошёл сразу за мной и вернул ключ в прежнее положение даже раньше, чем...

Чем мы почувствовали нестерпимый запах рвоты, жидкого кала, пота и чеснока. Совсем юный мальчик в рубахе, кюлотах и с босыми ногами скорчился в свете сальной свечи на убогой постели, длинные волосы прекрасного рыжего цвета метались по подушке, кое-где сбиваясь в колтун.

– Мышьяк, – сказал я. – Клянусь святым Полом, он же вульгарно отравился! С какой стати?

Мальчик пытался что-то объяснить. Чёрт нас всех побери, он пробовал даже улыбнуться навстречу, но губы тотчас свело пароксизмом, как и всё тело. Я вопросительно поглядел на него, на брата.

– Твоё решение, – пробормотал он.

Тогда я уселся рядом на ложе, притянул юнца за плечи, откинул ему голову и без особых церемоний кольнул клыками под челюсть, вводя свой натурный опиат.

– Боль ты так снимешь, конвульсии – нет, – передал мне Гуди. – Притом на этой стадии он полностью обречён. Кончай уж без затей.

– Я хочу знать, – пробормотал я вслух, на миг оторвавшись от своей работы. – **Керл**, я хочу знать, что с тобой случилось.

Почему я употребил это простонародное и не очень британское обращение? Керл – не юноша, а паренёк? Но мальчик на миг пришёл в чувство и вцепился в меня, пытаясь себя сдержать.

– Т-том.

– Знаю, – успокоил я, – Томас Чаттертон. Не говори пока, ладно? Не тужься.

– Т-ты так йу-ун.

– Молодой, почти как ты, ну да.

Во что бы то ни стало мы должны его **развязать**, думал я, это, вопреки суеверию, не сделает из Томаса наше с Гудбрандом подобие. Напротив, уменьшит то, что осталось от его смертного бытия.

И моего почти бессмертного.

Я прислонил свои губы к его рту (проклятый, невыносимый чесночный дух, вот уж тут легенда не соврала!) и стал с силой вдыхать внутрь насыщенный своей кровью воздух. Словно утопленнику. Где-то внутри меня – в лёгких, в печени? – лопались мелкие сосуды, во рту запахло гарью и железом, но это было неважно.

– погоди, – сказал брат. – Ты сейчас до того себя вымотаешь, что сам ляжешь костями.

Отстранил меня и начал делать то же, что я, но с куда бóльшим успехом. Томас чуть обмяк и повис на наших руках, сердце забилося неторопливо и ровно, глаза прояснели.

– Ну, води Ритуал, – Гуди высоко уложил мальчика на подушки и кивнул мне, чуть кривя губы.

Я набрал воздуха в израненную грудь.

– Это моя плата – задавать вопросы, Том, ты об этом знаешь, – сказал я. – И плата необременительная. Если ты собрался пойти на попятный, тебе только и надо было, что попросить. Почему?

– Теперь мне куда легче говорить, – он снова улыбнулся. – Об этом тоже. Сам виноват. Он чуть закашлялся, но потом продолжил.

– Я... я пишу стихи. Хорошие, правда-правда. На старинный манер, как у мастера Макферсона в его «Песнях Оссиана». Меня крепко били за подлог. Что я прикрылся одним старым монахом. Но потом кое-как обошлось. Пришли небольшие деньги. Жить можно было и в нищете. Но... тут я в придачу заболел. Стыдной хворью.

– Люэс?

– Гонорея. Даже без весомой причины. Через чужую грязь, как малое дитя.

– Это ж чепуха, а не болезнь.

– Ну да, но я сломался. Верблюжья соломинка. Был жутко разозлён. Из-за этого проклятого трипака меня не взяли в плавание. Тогда и послал валентинку. Вы... сами по себе вы не смертельный диагноз.

Гудбранд из своего угла кивнул, подтверждая.

– И тут меня подучили, как враз избавиться от этой пакости. Во сне.

– Смесь белого мышьяка с лауданумом. Рискованное дело, если не знать верной пропорции, – подтвердил брат. – Легко было угадать и то, и другое по запаху.

– Если бы вышло... открыл бы на зов и отправил восвояси, немного потрепав языком. Я ведь такой жулик.

– Фальшивые дворянские грамоты? Стихи на псевдосредневековом?

– И они. И другие. Сами собой написались. «Я ухожу для неземных услад, Но вы – по смерти вы пойдете в ад».

– Кто – мы? Дирги?

– Нет. Вы добрые. Добрей олдерменов и врачей. Добрее Бога. Я как-то сказал: «Возможно, убивать себя и грешно, и неразумно, только это – благородное безумство души, которая тшится принять подобающую ей форму. А коли мы не помогаем обществу и от него не получаем помощи, то не наносим ему вреда, слагая с плеч бремя собственной жизни».

– Интересное дело. Ты хоть понимаешь, что выбрал длинную каменистую дорожку вместо короткой и ровной? В обеих половинах света – этого и того?

Вместо ответа Том тоже спросил:

– Я у тебя первый?

Отозваться на это можно было лишь одним образом.

Когда я вернул себе всё влитое в него с небольшой придачей и кое-как пришёл в себя, мальчик был уже мёртв. Он лежал на спине посреди скомканных и порванных листов, трухлявой мебели и горького дыма от потухшей свечи. В окне разгоралась розовоперстая заря, на устах цвела улыбка.

А мы еле спустились по лестнице – так были вымотаны.

– Прикрыть его не получилось, – сказал Гудбранд. – Типичное *felo de se*, как говорят крючкотворы.

– Не думаю, что оттого он сильно пострадает, – ответил я. – Благопристойные похороны его вдовой матушке явно будут не по карману. А стихи... Знаешь, я успел заглянуть в кое-какие бумаги, пока мы приводили его и себя в порядок. Это гениально и теперь уж не потеряется в веках. Запечатано болью и кровью.

– Что же, остаётся утешиться этим обстоятельством. Больше ведь нечем, верно?

Диргу иногда удаётся уже в день инициации захватить столько плотских частиц, что они превышают критическую массу. И тогда, орошённое кровью своего невольного дарителя, является в этот мир дитя и плывёт внутри тканей, раздвигая собой клетки, как хилер. Такое благословение судьбы случается крайне редко, а к тому же я отдал мальчику слишком много своего.

Но всё же... Через сто с небольшим лет...

Молчу.

4. Рунфрид

Кровь диргов целительна и животворна, но далеко не панацея. Отец опускает многие чисто медицинские, в том числе акушерские подробности – в этом он никакой не профессионал. Это лично у меня сложносочинённое образование повитухи. Маевтика – удел отнюдь не Сократов. Это удел нелогичных женщин. Логика не способна родить живое: живое асимметрично и подвижно, это поток частичных смертей и бесконечных мелких рождений, неустойчивое равновесие, бег на ходулях, эквилибристика нейронов и хромосом, атомов и электронов.

Теперь о деле. Несмотря на то, что дирги вылеплены по двум внешне различным образцам, внутри мы сходны гораздо больше человеческих мужчин и женщин. (Впрочем, наши мужчины все как на подбор жилисты и тонкококостны, соски у них даже в нерабочем состоянии слегка выпуклы, а пенис мал. Женщины же девически стройны, узкобёдры и обладают по виду неразвитой грудью. Современный бисексуальный тип.)

Так вот. У нас, как и у людей, первые шесть недель беременности невозможно определить пол эмбриона: гонады, то есть зачатки половых органов, совершенно идентичны даже под микроскопом. Расхождения – в полном смысле слова – появляются позже. У человеческих младенцев гонада определяет свою половую принадлежность и делится, у нас, вырастая, слипается более плотно. Репродуктивный орган дирга, который мы называем «клубком», делается сходен одновременно с тестикулами и яичниками. Он двойной, хотя, в отличие от такового у людей, нечётко разделён пополам, и от него не отходит ни фаллопиевых труб, ни семенных канатиков. Расположен чуть выше пупка, между тонким кишечником и мышцами брюшного пресса. С виду не так надёжно, как у человеческой самки, но нам хватает.

Клубок опутан сетью мелких кровеносных сосудов, которые связаны с ротовой полостью. Из неё соки человеческого донора (безразлично, мужчины или женщины) спускаются непосредственно к клубку, отдельные клетки проникают внутрь через тончайшую оболочку, что служит своего рода щадящей мембраной для инородного белка. (Имеется в виду, что порог тканевой несовместимости у дирга значительно ниже, чем у хомо сапиенса, однако имеется.) Когда клубок переполнен, причем довольно-таки разнородным ядерным материалом, и напитан принадлежащими диргу-хозяину соками, достаточно очередного «кровяного толчка» извне, чтобы запустить репродуктивный процесс. Одна из клеток сбрасывает оболочку и начинает свой дрейф наружу, по пути захватывая и присоединяя к себе нечто из мембраны хозяина (до сих пор идут оживлённые дискуссии по поводу того, цельные ли это клетки, или подобие выделившегося из клетки вируса, или готовый результат мейоза). Делится, формируя из себя зародыш, плод – и почти сразу же гибкие, наполненные питательной жидкостью защитные оболочки, своего рода матка, одновременно играющая роль всеобъемлющей плаценты. Короткий канатик, что, как и плод, впоследствии будет защищен материнской кожей. Плотная рубашка, в которой дитя будет рождено для счастья. **Плацентариум**, внутри которого оно видит звёзды и где может не страшиться Великого Змея-Душителя.

Вот такой кораблик и плывёт внутри нас к поверхности, пока не коснется эпителия. И тогда наш долгожданный ребёнок, наконец, обнаруживает себя перед всем миром.

... То письмо сбросили мне в электронную почту. Хотя ничто в сетях не может быть защищено паролями более чем на девяносто девять процентов, когда нужно бы на сто с большим доверием, мы удовлетворяемся этим. Власти нам потворствуют, что имеет под собой далеко не одну причину, – мы сглаживаем шипы их деятельности и к тому же засекречены много лучше, чем кажется на первый взгляд.

Время и место обговорили быстро. Когда мой белый «Кавасаки» с яркими надписями и наклейками притормозил у изгороди ухоженного загородного дома, женщина вышла

навстречу. Интересно, как они все узнают дирга безошибочно – в любом уборе, даже в кожаной куртке, прошитой zipperами, и шлеме с тонированным забралом.

Подобное стремится к подобному, как жаждущий – к источнику влаги. Вынашивая свою первую почку, таких риторических вопросов я уж не задавала: глаз с первого захода вычленил из толпы моих двойников – в одежде, слегка оттопыренной в необычном месте, и с танцующей походкой начинающего игломана или игломанки.

Но эта женщина двигалась тяжело, как пахотный вол.

– Надеюсь, я не ошиблась адресом? – сказала я, сходя с седла. – Маргарита Даровски.

– Нет-нет, всё в порядке.

– У нас много времени?

– В том, что от меня зависит, – конечно. Я живу одна и, можно сказать, более чем одна.

С тех пор, как...

Она внезапно прервала себя:

– Вы ведь не откажетесь выпить со мной домашнего вина? Сама делала закупоривала прошлый год. В этот не тянет: не ко времени. Время давить виноград в жоме и время пить его сок. Хотя на самом деле это яблоки или пшеничные зёрна.

– И то, и другое – знак грехопадения, вы это хотите сказать, Маргарита?

– Можно пользоваться знаками двух разных религий, но исповедовать третью. Я, знаете, склонялась к последнему от самого рождения.

Каждая фраза наша, как нарочно, сплетается с другой ассоциациями, думала я. Будто ткётся паутина, хотим мы обе или не хотим.

Открытая терраса, через которую меня провели, и комната, где усадили в кресло-качалку, были полны того изящества и уюта, которым окружают себя безмятежно одинокие пожилые женщины. Как эта. Курчавые, с проседью, волосы, круглые щёки, симпатично расплывшаяся фигура в льняном платье с вышивкой и даже в доме – кожаные туфли на каблучках.

– По правде говоря, сначала я приняла вас за молодого человека, – сказала Маргарита, раскладывая печенье на блюде красивым веером и вытягивая из бутылки настоящую пробку.

– Это было бы неверным ходом с нашей стороны? (Нарушением договорённости – безусловно.)

– Не знаю. Больше бы стеснило, пожалуй.

Мы выпили, не чокаясь. Сидр был отменный: не хуже моего родного бретонского и явно из собственного сырья. Потом добавили – и так докончили всю бутылку, заедая градус крошечными облатками из мезги или протёртых ягод. И нынче яблони с иргой и коринкой были все в завязи, хоть и говорят, что в наших прохладных местах все деревья плодят через год.

– А теперь вы готовы рассказать мне, в чём проблема? – спросила я. – В общем, мы в курсе. Но это вроде нашего бонуса, понимаете?

Ей было нелегко собраться с силами, тем более что история не была такой уж заурядной. Некий маньяк и подонок полгода назад единолично взял в заложники огромный «Грейхаунд», в котором она с подругами и мужем одной из них возвращалась с горнолыжного курорта, и отогнал с трассы. Пока готовилась операция то ли по уболагодворению, то ли по освобождению, он измывался надо всеми, расстреливал мужчин и безо всяких пользовался теми женщинами, которые подвернулись под разгорячённый член. Моей клиенткой, похоже, лишь для круглого счёта.

Когда его захватили в плен и отправили пассажиров на реабилитацию, выяснилось, что среди грязных, голодных и наполовину растерзанных женщин одна беременна от негодая. Маргарита, моя нынешняя заказчица.

Аборты для жертв насилия, собственно, были нормой. Но месяца два назад до здешних краёв дошла так называемая шестьдесят шестая поправка: что по религиозным соображениям такие операции делаются при наличии стандартных медицинских показаний.

– О мою кожу не тушили сигарет. Ни одного значительного вывиха и перелома костей. Почки, печень и прочая требуха в полном порядке. Ни хронического пиелонефрита, ни диабета, ни сердечной недостаточности. Прекрасная спортивная форма. Безупречная психика.

– Ваша или его?

Моя дама рассмеялась с горечью:

– Обоих родителей. Кстати, ему дали пожизненное, что и требовалось доказать: любой гражданин нашего государства имеет право на сей божий дар. А мне категорически запретили избавляться от его выродка. Отец о нём знает, между прочим.

В тоне, каким это было сказано, ненависти не было и грана. Впрочем, как и любви.

– Кажется, родить – было бы если не лучшим, то наиболее приемлемым выходом. Вас ведь не обязали держать младенца при себе, разве нет?

Моя собеседница покачала головой почти с укоризной:

– У вас немало прав, только ни одно из них не заключается в том, чтобы отговаривать клиентов.

Извилистая фраза говорила... о чём? О специфическом образовании, например, юриста или менеджера высшего звена?

– Я констатирую факт. Так вы не хотите отдавать младенца в Дом Ребёнка, даже самый респектабельный. Где не нужно подписывать отказные документы, пока не приищут нового родителя.

– Именно что родителя. Одного. Девушка, вы знаете, что даже насильник имеет право на свою кровь и плоть? Тоже с недавних пор – и тоже по религиозным соображениям.

«Девушка» ...Маргарите даже не пришло в голову, что я могу быть гораздо старше. Кстати, она почти не ошиблась. Разница пять лет в мою пользу.

– Дитя, зачатое и выношенное в ненависти. Выкормленное чужими людьми – в любом случае у меня не будет для него ни молока, ни большого здоровья. Разрываемое на части своими генами. И в придачу ко всему – регулярные свидания с признавшим его отцом, который лет через двадцать вполне может быть амнистирован. За безупречное поведение.

– Вас это так пугает? Я не возражаю, – ответила я, – только хочу разобраться кое в чём помимо конкретно взятой темы.

– Собственно, я страшусь иного, – сказала она. – Того, что уже вышло из меня наружу словами, я лишь опасаясь. Словами этого не выскажешь. Давайте-ка выйдем во двор – раз уж у вас имеется свободное время. Вы ведь по сути лишь палисадник видели.

Свободное время? Время от заказа до заказа. Один дирг на десять тысяч людей, большинство из которых существует в перманентном пространстве скуки. Нет, это заведомо не наши пациенты, их погребла система. Погребла под собой и насадила сверху пышные окультуренные цветы.

Но вот сад нашей Гретхен был диким. Даже не одичавшим, а холящим свою причастность к лесу и лесной поляне.

Рабатки душистой фиолетовой буквицы с удлинёнными листьями, покрытыми пухом. Легчайшие облака розовато-лиловой смолки. Резные листья, белые, жёлтые и густо-розовые зонтики валерианы, тысячелистника и пижмы. Гордые своими прозвищами раскидистый лопух и подобный золотому скипетру коровяк. Во влажной тени – опахала гигантских папоротников и метровых палеонтологических хвощей, подушки кукушкина льна и брусники. Сосны и ели, выросшие прямо здесь или взятые из соседнего бора. Гирлянды хмеля, что висачим мостом перекидываются с ветки на ветку. Роскошный, весь в голубовато-сизых гроздьях, можжевельниковый куст, терпко благоухающий на солнцепёке. Лабиринт из терновника, полного цветов и ягод, – о том, что в природе не может быть ничего подобного всему этому смешению запахов, оттенков и узоров, я тогда забыла напрочь.

А ещё здесь был водоём. Не яма, дно которой устлано искусственной плёнкой: не пруд в бетонированной чаше. Небольшое рукотворное озеро, сквозь стенки и дно которого непрерывно сочились грунтовые воды, проходя через несколько слоёв природного фильтра. Заросли таволги, диких золотых ирисов, бузульника и вербейника по краям, лилии и водяные гиацинты в отдалении от берега.

– Нравится, я вижу. Приют для всех сезонов, – усмехнулась Маргарита. – Я ведь тоже... совсем немного биолог.

– Вот как? Я считала, что скорее нотариус или знаток всяких постановлений и уложений. Манера выражаться, понимаете.

– Параллельно с другими хлопотами пришлось узаконивать и спешно искать наследника. Не такая у меня родня, чтобы...

Она сделала паузу и вдруг спросила, властно и даже резко:

– Вы не будете мне возражать? Я оформила завещание на то имя, которое стоит в вашем паспорте. Мой инет счёл данные о вас не такими уж секретными. О вас лично – и даже вашем племени.

И, видя, что я буквально вросла в землю, как один из здешних молодых дубков, добавила:

– Я так думала – уж вы-то знаете. Геном дирга оказался гораздо ближе к человеческому, чем это предполагали ранее. Уберём отрезки, что отвечают за ограниченную продолжительность жизни, резкую половую дифференциацию, которая у человека проявляется уже на двенадцатой неделе внутриутробной жизни, склонность к сумеречному освещению, а также некоторые особенности питания...

(Ничего себе – **некоторые**. Самое в нас главное.)

– Вы пили сидр и даже для приличия взяли несколько крекеров. Это для вас, пожалуй, как для человека жевать лебеду и сырые виноградные листья: засоряет ёмкости, но все ж, получается, не отравя. Под самый конец я устроила невинную проверку.

– Зачем это всё?

И тут я поняла. Не может такой активный, такой земной человек, как Маргарита, отчаяться в жизни. Трудно себе представить, чтобы она не сумела до сих пор избавиться от плода – если ей того хотелось. Нелегально, переехав в другую страну, где это разрешено. А если мои заключения верны...

– Дирги – это плавильный котёл, – произнесла я медленно. – Реинкарнация своего рода. Возможность для вашей дочери родиться чистой.

– Дочери?

– У дирг-дью не может быть сыновей.

– У меня сын. Копия своего невольного производителя, где от меня – ничтожная часть. Это и добило меня под конец. А ведь и правда – я не учла обстоятельства, но оно послужит к лучшему. Под конец была одна мысль в голове: с женщиной, с медиком – куда легче говорить и делать.

Мы помолчали. Потом Маргарита произнесла:

– Довольно с меня, пожалуй. Вы узнали всё, что вам было интересно? Тогда, может быть, пойдём обратно: кстати, ознакомьтесь с бумагами.

В доме я постановила конкретно изменить роли.

– Готова подождать, пока вы примете душ, – сказала я. – Но недолго и не слишком горячий: не вздумайте греться до малинового звона, как в финской бане. Можете принять простой анальгетик. Если вы полагаетесь на мои эндорфины – зря, они могут повредить стволовым клеткам и прочему. Ситуация близка к патологическим родам, когда из двоих выживает один.

Это было двойным преувеличением. При изъятии мы причиняем вполне терпимую неприятность, только вот нашим донорам также полагается бонус. И брать материал придётся как от матери, так и от дитяти – это сложно до чрезвычайности, как физически, так и пси-

хологически. На такое не решится ни один сколько-либо разумный дирг, уж я такое по себе знаю. Сознательно мы никогда на это не идём: один заказ – одно целостное существо, и точка. Закрываем глаза на реальность? Возможно.

(Как часто вы режете курицу с десятком разновеликих яиц внутри? И потрошите икра-ную белугу? Ах, вы не сельский житель и не браконьер?)

Рита вышла из ванной, накинув на плечи лёгкий халат. И босиком. Кусок мяса, завернутый в полупрозрачную плёнку. Толстуха, похожая на тесто в опаре. Допотопный знак плодородия, выкопанный из троглодитской захоронки. Эти чувства промелькнули и ушли, сменившись лихорадкой, что сотрясла меня от мозга до кончиков пальцев. Всех двадцати.

– Что дальше-то делать, девочка? – заговорила она первой.

Но я уже подхватила её на руки и уложила рядом с собой на вымытый до блеска пол.

Клыки у нас под верхним нёбом, выкидные, как у гремучника, и соединяются с железами, вырабатывающими морфин. Зрелище не для зубных врачей, кои, по счастью, нам не нужны, и вообще не для слабонервных: правда, для всасывания мы их не используем. Только для введения наркотика. Я дотронулась ногтем, в одно мгновение изменившим форму, до набухшей паховой артерии, и пробормотала:

– Вот здесь.

Молниеносно рассекла жилу своим природным стилетом и поцеловала.

Через небольшое время:

– И вот здесь.

Что чувствовала Маргарита, пока я поочерёдно касалась языком и губами тонких струек крови, ветвящихся по коже, такой нежной и бархатистой? Вбирала, всасывала их в себя вместе с плотью? Сначала, когда ещё была остра та первая боль, которую я ей причинила, она молчала, но потом её стоны не выражали по видимости ничего, кроме наслаждения. Страсти, которую она – в отлетающей от неё жизни – не испытала ни с кем.

Вопреки сплетням, нам не нужно полностью обескровливать человека, чтобы убить. Дело в том, что от быстрого натиска у него не выдерживают внутренние органы. На сей раз я превысила безопасную для дирга норму и лишь тогда отодвинулась в сторону, когда перестала слышать оба сердца – большое и малое. Пятьдесят пять лет и пять лунных месяцев.

И ещё четыре солнечных месяца – до того момента, когда я не появилась в этом уединённом месте, держа у сосков мою крошечную искорку. Мою Синдри, прекрасную тайну и дочь Прекрасной Тайны.

Разумеется, юридические аспекты нас не затруднили: напротив, послужили ширмой. В смысле – одна подруга навестила другую, чтобы обсудить некие юридические тонкости, связанные со внезапным ухудшением здоровья последней. Слов «суицид» и «лесбиянки» деликатно не произносил никто из полисменов, коронёров, служителей анатомички и нотариусов. Что запрещено, того не существует в пространстве закона. В равной степени как не существует и нас, диргов.

Забавно, что Синдри по документам числится не внучкой, а дочерью Хьярварда. Тот же юрист, что возился со вступлением в наследство, пояснил, что моё право собственности зиждется на достаточно хрупких основаниях и может быть в любой момент оспорено, если начнутся разговоры о насильственном уходе любого рода. Суицидникам в этих землях по-прежнему наследуют Государство и Церковь, а не рядовые граждане. С другой стороны, из положения удочерённой отнюдь не вытекает, что и её потомство будет автоматически принадлежать семье. В Стекольне взятие в отпрыски – разовый акт, не имеющий далеко идущих последствий.

Так что мы в один голос решили обеспечить мой распутившийся листок как следует и по возможности уберечь от тех превратностей судьбы, которые встречаются на пути любого дирга.

5. Трюгви

Бывают культурные растения, но случаются и дички. Дички неказисты, зато куда жизнеспособней. Старейшины диргов отчего-то думают, что у них всё под контролем, а что среди кровопийц имеются свои ренегаты или те, кто элементарно промахнулся мимо гильдии, – не изволят замечать.

Так с чего начнём?

Пожалуй, с пафосной фразы, а то и с двух-трёх. Что мне, я думаю, простится: по неким причинам, которые будут понятны дальше, эти высокоумные речи – не мои собственные.

Отбурлила франко-прусская война. Во Франкфурте-на Майне заключили и поделили мир. 10 мая 1871 года было решено аннексировать в пользу победивших богатые стратегическими рудами Эльзас и Лотарингию и в придачу наложить на побеждённых пять миллиардов штрафа. Князь Бисмарк пожинал плоды своей небольшой, но успешной провокации. Он был как нельзя более удовлетворён тем, что ему удалось сплавить и сплотить Германию в предвидении грядущих боёв за национальное самоопределение. Французские буржуины морально готовились возвести циклопический собор Святого Сердца на Монмартре – на том месте, где стояли версальские пушки. Я говорю с чужих слов по очень простой причине: до 30 октября этого года обретался в латентном состоянии.

Если вы помните, чей это день рождения, – триколор вам в руки. Хотя, если честно, при тогдашней плотности населения в день рождались сотни человеческих младенцев обоего пола: патриотически настроенные матери стремились восполнить убыток, причинённый отъятием территорий, блокировкой столицы, расстрелом и изгнанием повинных в её героической защите. И также в пожарах, едва не погубивших прекраснейший город на земле, – их разжигали обе враждующие стороны, хотя конкретный приказ уничтожать всё при отступлении получили коммунары.

Когда люди с такой охотой истребляют друг друга, диргам нет особой необходимости в специфических акциях. Во всяком случае – культурным диргам. Резня способствует лихорадочной наполненности бытия и придаёт особый смысл и смак быстротечной жизни. Во всяком случае, во Франции тех времён не было замечено ничего подобного «сезонной эпидемии самоубийств» (термин, внедрённый периодической печатью), которая терзала спокойную и застойную Россию. Весь девятнадцатый век французов сотрясали войны и революции, англичан терзал синдром победителя и сплин, русских то же и так же, разве что сплин именовался хандрой.

Моя покойная матушка не носила тайного скандинавского имени. Незатейливая Мишель Соньер – и то, я так думаю, лишь по паспорту: если тогда у простолюдинов были паспорта в нашем теперешнем понимании, в чём сомневаюсь. Сэт в департаменте Эро, провинция Лангедок-Руссильон – город морской, по воде приходит и уходит немало всякого народу. Венеция Лангедока – болотистая лагуна, каналы, мосты и набережные. Здесь великое и трагическое прошлое, выраженное в очертаниях горных вершин и мощных замков, не давит на человека, а мирно стоит в отдалении. Диргов называют здесь на северный, бретонский манер **лограми** и считают, что у них как минимум две сущности, две жизни – и, соответственно, далеко не одна смерть.

Примерно в этом подозревались рыцари Короля Артура, пока из них не сотворили примерных христиан.

А Парижские Коммуны, как первая, так и вторая, ничем не зацепили этот край. Хватило с него и катарских всесождений прошлого.

Вот теперь о кострах и пожарах. Кое-кто из «чистых» вышел оттуда жуть каким обугленным и почерневшим, но живым: огонь лишь облизывал кожу до костей. Некоторые из них, оставшиеся на родине предков, имели ограниченный доступ к легендарным тайнам Монсег-

юра, в основном материальным, а не духовным. Это дало им возможность затаиться и вести скрытную, тусклую, но жизнь среди себе подобных. Даже сотрудничать и руководить ими.

О Договоре и работе по Вызову отщепенцы почти не имели понятия и действовали от случая к случаю. Держались порознь, чтобы меньше бросаться в глаза, и всё больше культивировали суеверия. Например, они считали, что для зачатия логра необходимы две разнополых особи – и не во имя одной лишь респектабельности, – что католический брак вреден для здоровья, а будущие матери непременно должны поддевать вниз плотные кюлоты. В целях маскировки особого рода припухлостей.

Мишель тоже нацепила под юбки нечто вроде жёсткого дородового бандажа с завязками, что слегка уравнило убогий турнюр. Её приятель (таких в нынешнее время называют «партнёр») не выражал восторга по поводу чужой брюхатости, но и не протестовал: его собственные проблемы могли оказаться похуже. Наш сильный пол не толстеет и не худеет вот так запросто.

Любимая хозяйка Мишель, мадам Валери, в то время была месяце на восьмом, беременность проходила в тревогах, и думать о том, виноват ли в случившемся кто-то из прислуги или, не дай Боже – хозяин, ей было недосуг. Почему юной логре вообще понадобилась огласка? Дело в том, что плод, хоть и небольшой по сравнению с человеческим, за два месяца внеутробного существования растёт бурно, двигается внутри своей маскировки порывисто. К тому же будущая мать хорошо знает, что через небольшое время ей придётся объяснять резкий прилив молока к грудям, а то и продольный шрам, идущий от пупочной вмятины к лобку – тогда уже вовсю практиковали кесарево сечение под хлороформом.

Итак, 30 октября ребёнок благополучно отпочковался. Сам я, естественно, того не помню, но мне описывали запредельный ужас матушки, когда, перетянув пупочный канатик и бережно вскрыв яйцевидную оболочку, она убедилась в том, что я противоположного с ней пола.

Девица (лет семидесяти с небольшим), родившая незаконного младенца, ловила на себе косые взгляды людей. Логра, произведшая на свет явного уродца, подвергалась ostracism соплеменников. Если учесть, что всё племя спасали только предельная сплоченность и виртуозная скрытность и что решение по поводу нужно было принимать немедленно, можете себе представить, какие флюиды исходили от бедной Мишель!

Примерно такие же, как от человека, который пробует телепатически **вызвать**.

А Мишель лихорадочно размышляла.

Попросить дружка признать младенца своим? Невозможно: он испытает то же отвращение, что и прочие логры. К тому же приятель Мишель был на удивление худощав даже для не-смертного, а насчет её беременности знали все, кому положено знать. Не-смертные дети были редкостью и благословением. Скрыть ото всех? От людей – привычное дело, от своих – практически невозможное. Убить? Родитель-логр, почти как во времена античности, был властен над своими чадами, смертные люди в худшем случае обнаружили бы нежизнеспособный выкидыш, но всё внутри Мишель протестовало. Я так думаю, оттого, что убить дирга куда более хлопотно, чем свернуть шею курёнку. То же – детенышу ошипанной курицы, то же – поросёнку длинной свиньи. Эвфемизмы человечины, если кто понял.

Мысли бедной родильницы метались в суматохе, губы кривились. Руки сдавливали крошечное тельце куда плотнее, чем было нужно для его безопасности.

В это самое мгновение на пороге потайной каморки, где происходило описанное выше, появился некто, по виду человек. Мишель смутно припомнила всё, что знала о нём от «чистых» старейшин: как Белэ, Малона и Тейсса, его скрытно отпустили после суда над всеми коммунарами. Он был из тех предводителей, кто спасал Париж, а не жёг его на глазах у версальцев, и теперь искал корабль, чтобы отплыть из страны во избежание огласки – хотя бы в те колонии, куда отправляли прочих коммунаров, но свободным.

Отворить заложенную крепким засовом дверь было для него пустяком. Взять мальчика из дрожащих рук матери и прислонить к накрахмаленной до хруста рубашке – делом секунды.

Теперь она могла кое-как разглядеть и оценить мсье Ламбуа. Лет сорока навскидку, лощёный, как аристократ, изысканный, будто денди, белокож и белобрыс почище любого северянина из тех, что вынужденно поменяли страну. Плодные воды и слизь, которые остались на трепещущем багровом тельце, испачкали не только ладони, но и грудь, но этому господину, казалось, было всё равно.

Тот, кто не дорожит чужим мнением. Пожалуй, анархист, как те, кто организовал сопротивление в столице. Но явно не бунтарь. И вовсе не человек. Теперь, с глазу на глаз, Мишель поняла это куда как отчётливо.

– Сударь, кто вы? – пролепетала она. – Эльзасец или лотарингец?

– Он усмехнулся.

– Возможно, во мне задержалась и эта кровь, как многие иные. Густая германская. Тягучий британский эль. Благодородное игристое вино из местных виноградников. Моё имя для братьев и сестёр – Хьярвард, но и оно не означает национальности. Только принадлежность к клану, если ты поняла.

– Вы логр? С самого начала похожий аромат, да.

– Мы называем себя диргами, у нас иное представление о своей сути и назначении, чем у вас. Я хочу удочерить твоего сына.

– Зачем вам урод? – Мишель как-то пропустила мимо ушей странное выражение.

– Он не таков, вернее – не будет таким, если о нём хорошенько позаботятся. У смертных подобное бывает куда чаще, чем у нашего с тобой народа: частицы внутри клеточного ядра делятся неверно и прилипают друг к другу не в том сочетании, которое привычно. Ты слыхала о Рудольфе Вирхове и его учении или он для тебя – просто очередной бош?

– Я... я должна дать ребёнку грудь, – кое-как проговорила Мишель.

– Возможно, у меня тоже возникнет молоко – как у собаки, которой подложили чужого щенка, – хмыкнул «мсье Ламбуа». – Не беспокойся, уж мы найдём выход из положения. Тем более что нежная мамаша в тебе только что помышляла насовсем избавиться от своей почки.

– Убить птенца лучше, чем обрекать на муки, – возразила Мишель.

– Ответственная мать, право. Успокойся – никто из нас не будет подвергать это создание рискованным опытам. Мы отлично знаем, что такое кормить и ухаживать. Но поскольку и ты в этом дока... Я заберу дитя с радостью, но поставлю условие.

– Мадам говорила, что если я отдам ребёнка в сиротский приют, то возьмёт меня кормилицей: своей личной камеристке она доверяет больше, чем кому иному. Я отказалась, но...

– Они пока не нашли надёжной няньки, а их сын уже на подходе. Ты пойдёшь и согласишься.

– У меня другое молоко! Мсье Ламб... Мсье Хярв...

– Я знаю, – он кивнул. – Лишь оттого ты и воспротивилась. Это было недальновидно. Скажешь, что твоя девочка родилась мёртвой: так надёжнее и меньше вранья.

– Потому что девочки не было и никто не спросит, почему я её не навещаю.

– Разве что могилку единожды в год. Мы это устроим, – Хярвард кивнул снова.

– Но зачем и как...

– Ручаюсь, у тебя хватит жидкости, если ты по-прежнему будешь подсасывать у людей. Розоватый цвет молока объяснишь тем, что дитя жадное и сильное, чуть соски тебе не отрывает. Кусается – у него рано прорежутся зубки.

– Но...

– Пока мы здесь, вы с малюткой Полем будете наносить визиты его молочному брату Трюгви. Я думаю, именно таково будет его истинное прозвание: возможно, я даже признаюсь кое-кому, что он – твоё кровное дитя. Месяца через три, когда он выровняется. Это чтобы

мадам вошла в понятие, а месье не ревновал – или наоборот, а? И тоже, дай Бог, приложу усилия к воспитанию обоих детей. В старинном смысле: вскормлению или пропитанию.

– Не поняла, – обречённо вздохнула она.

– Молоко дирга может быть своеобразным источником Иппокрены. Игры творческих начал в смертном человеке. И твоё, и в куда большей степени моё. Видишь ли...

Хьяр помедлил.

– Видишь ли, лет сто назад я задолжал миру поэта.

6. Синдри

Дома у нас живётся очень весело. Птички-почки щебечут во всех укромных закоулках, клюют поклёвку и гадят на лету. На слух, вкус и запах даже приятно: не то что человечесьё гавканье. Сестра-мамуля Рун режет, перелицовывает и штопает всё подряд, что подвернётся под хирургические ножницы с иголками. Дедуля Хьяр на вполне законных основаниях что ни день шпилит лапочку Трюггви в нетопленной – на британский манер – спальне. Типа для закалки: греются одним совместным пылом. Они даже типа повенчаны – не в правоверной Стекольне, ясное соло: в Швицерланде, штатт Генова. Веяние времени, вещает наш дедусь. Умора слышать такое от перса, зацикленного на проблемах вечности. «Смерть – обратная сторона жизни. Лишь изведав её, понимаешь, что, собственно, нет обеих: существует лишь одно прекрасно-изменчивое Бытие», – такие заявы я слышу поминутно. Не в критические дни **заказа** и той мерзкой недели, которая следует за ними.

Трюг, при всех своих мозговёртных умениях и патологической гениальности, характером ещё больший мальчишка, чем я. Или лучше сказать «девчонка»? Говорит, в детстве, лет этак до пятнадцати, его наряжали в короткие платья с кружевными панталончиками: пока дедуле Хьяру не стало запахло играть в отцы-матери из-за игры совсем иных гормонов. В общем, мне на днях исполняется восемнадцать, Трюгу давно перевалило за сотню, а иногда гонит такой наив, что прям уши обвисают вялыми лоскутками. Судьбоносная роль, санитары Вселенной, правая рука света и левая рука тьмы и далее по списку. Это при том, что после посвящения он едва дотронулся до полусотни смертников.

А что мы так долго живём, потому что заимствуем чужое, – об этом все семейные члены молчок молчком. Ты времени заложник у вечности в плену. Жизненная сила, которую дирги отбирают у наших **страдальцев**, очень даже **конкретно** переходит к ним самим. Дед бы сказал «страдников» и «без изъятия», мама фыркнула бы на мою «хилософию», сказав, что это ненаучно. Различная прочность клеточных оболочек, иное строение ядра, немного другой геном. (Другой в самом главном, между прочим.) Добавила бы нечто про сосуществование, искупление, свободный выбор и такую-сякую лабуду.

Но факт остаётся тем же фактом. До совершеннолетия никто из диргов не причащается чужой крови – но хилает по городскому асфальту и сельской грунтовке самым распрекрасным образом. Растёт и мужает, как бурьян в перегное. Возможно, пользуется теми калориями, что накоплены предками, а может быть и нет. Но вот когда произойдет **это самое** – мигом перестает меняться. Двухногий консерв. Прекрасный духом и телом зомбак. Как-то не очень это вызывает симпатии, верно?

По крайней мере у меня.

Не слыхала ни об одном дирге, у которого бы получилось самовыпилиться из реальности. Который хотя бы попробовал. (Не слыхала – значит, нету или как?)

Я хочу быть первой. Эксперимент – святое дело. Не принимать лекарств, продлевающих жизнь, плавно скользить в зрелость, старость и дряхлоту. По меркам человека – это не суицид, а совершенно естественный процесс. Только когда вы заболите, вы оцените здоровый образ жизни. Лишь когда умрёте, можно будет стопроцентно догадаться, что вы жили. Большинство людей прозябает с отчётливым ощущением, что окружающее до смерти им надоело. Я вот-вот присоединюсь к большинству. Наши вечные старцы – такие зануды! Ждать, пока тебе исполнится двадцать лет, а до того – губки в ниточку, ротик – на молнию, зубки на полке, язык на привязи.

Кстати, а экстремальный спорт: гонки под косым парусом, боевые искусства, историческое фехтование, альпинизм, дайвинг, бобслей, паркур. Это поправка здоровья или самоубийственная склонность? Кто скажет?

Наша отважная церковь считает, что последнее. Надо бы уточнить у тех из них, кто попроще, – мне всё такое очень даже нравится. Самое главное, в похожих науках я преуспеваю, в отличие от классических.

Вот только беда: при общении с себе подобными у меня вечные проблемы. Похоже, я типичный интроверт. С людьми обхожусь проще простого: безответственный трёп меня не грузит. Вливается-выливается без натуги и особых проблем. А что такого? В Стекольне и окрестностях десятилетнее среднее обалдевание носит статус закона. Преступишь – нехило поплачешься. И хотя дирги легко умеют откосить – здоровье там или напротив, гениальность и по причине всего этого нужда в частных уроках – но нельзя же это делать всякий раз. Конспирация. Тем более что резко выделяюсь на среднестатистическом фоне: рост метр восемьдесят пять без шпилек сорок второго размера, румянец во всю щеку так и полыхает, кровь с молоком, как говорится. И резко белые, даже не белокурые, патлы. Хваталки тоже не лезут ни в одни рукавицы: раньше я пялила мужские, а чтобы не болтались на костях и не рвались поверху, дырявила заранее и ушивала. Потом до меня допёрло, что проще сшить на заказ или научиться кроить-вязать самой. Ничего, я ж юный гений!

В среднеобразовательном долбилище, как все целенаправленные мутанты и продвинутые дети, хватаю сплошные тройки и четвертинки с приговорами: вот если бы ты, Леночка, не была так несобранна даже в последний год обучения... В **лени** из преподавов меня не упрекает ни один: с чувством языка у них в порядке.

А что делать? Меня готовят к выпуску (и вылету) ещё и в совсем другом месте: это напрягает по самое не могу.

Одна отдушина: отметить по-чёрному городские миазмы, которые мешают плодотворно готовиться к экзаменам, и свалить на дальнюю дачу. Её купили по дешёвке на моё имя: не дальше Подстеколье и не совсем юга, но вроде них. Сплошь меловые холмы и столбы, которые здесь именуются **дивами**, церкви и лесные заказники. Местами густой жирный чернозём. Сосны растут островками, дремучие дубы стоят привольно. А фоновая картинка – в реале Шишкин: ковыльные поля и нивы, посреди которых возвышается одинокий, коренастый представитель флоры, цветущие степи до горизонта, полынь, шалфей, чабрец, тимьян и иссоп. Мёд, растворённый в тёплом дыхании ветра. И далеко в вышине кречет парит, покачивая широкими крылами. Самое что надо для заценителя одиноких прогулок под палящим солнцем – вроде меня самой.

Ехать надо всю ночь, зато являешься на место ранним утром. Ну конечно, я привезла с собой полный рюкзак учебников. Какая-никакая человечья еда встречается на месте, а паковать горное снаряжение под бдящими взглядами родаков было неразумно. Вообще-то я фанат особого вида альпинизма, когда полагаешься на свои природные средства: не закидывать удочек и крючков, почти не забивать крепежа и ползти по склону ящеркой, вжимаясь в него всем корпусом. Что до меня – мне и того не нужно: когти на руках и ногах у меня покрепче молибденовой нержавеющейки, а длиной – сантиметров восемь-десять. Тоже рекорд. Как-то мерялись с Трюгом и кое-какими условными сверстниками: он, конечно, мужик, но не акселерат, а другие хоть и акселераты, но стáтью всё равно против меня не вышли – что «дали», что и «дью», без разницы. Тайский ножной бокс плюс индийский спорт раджей – поединки на ручных грабелях из стали. В смысле упороться можно от счастья. Правда, шрамы от прикосновения сотоварищей заживают мигом, так что всё ништяк.

Я сбросила поклажу в домике под заплесневелым шифером, наскоро оглядела всё вокруг: проверить, не поржавело ли насквозь крашенное голубой нитроэмалью железо, которым здесь принято обивать снаружи навозную глину и хлипкий сосновый брус, и не завелся ли на дворе посторонний. Скажем, землеройка, дикий зобатый кролик или ручная эфа: не знаю в точности.

Обулась в крепкие сандалии на широких ремнях и без носов – чтобы легко выходили ножные когти. Сунула в рюкзачок самодельные байкерские перчатки без пальцев, флагу с

водой, аптечку и ксеноновый фонарик. Три последних позиции – для отвода глаз человекам. Хотя отводить понадобится, если уцопают на ровной земле. Стоит начать работу, то есть в моём конкретном случае восхождение, – как дирга накрывает такой особой «дымкой»: кому не надо, сквозь неё не видит.

Меловое «диво» в виде толстоногой триумфальной арки я приглядела ещё в прошлый визит. При виде неё вполне себе верилось, что когда-то в далёкие времена здесь было море. Вполне обустроенный аквариум вёдер этак на миллион, с коралловыми гротами и дворцами из ракушек. Корка на поверхности была плотная: никакого сравнения со школьными и рисовальными мелками, которые сыплются, крошатся и пачкают пальцы. Пальцы и ладони они нехило царапают. Когда-то из этого материала возвели крепостные стены: я бы и туда вскарабкалась, но их давно уже стёрли с лица планеты. Они оказались довольно хрупкими – не выдержали удара цивилизации.

Кажется, я начинаю говорить пышно, совсем как деда Хьяр. Гипнопедия, сказал бы Трюггви.

В общем, чтобы прекратить словесный понос, я смирила горделивым взглядом объект, что высился уже метрах в пятидесяти от меня, и стала заново прикидывать, как и что. Если поднапрячься, на одной стороне там рисуется нечто вроде лестницы с нерегулярно выбитыми ступеньками. Натуральная показуха, если учесть, что неясно, какая цель была у воображаемого зубила: облегчить подъем, добавляя – или затруднить, уничтожая сотворённые природой выпуклости и впуклости. Однако если рискнуть, ветер окажется на твоей стороне: дует прямо в спину. Вжимает в пыльный склон и держит вмертвую.

Как только я подумала про это обстоятельство, оказалось, что я уже в метре от ровной земли. Передумывать и спрыгнуть можно, да не весьма халяльно.

Муха ползёт дальше, вся в белом сиянии, что размывает ступени, словно кисточка акварелиста – краску. Утро начинается с противоположной стороны дива – я не такая лохиня, чтобы наплевать на солнце, – но тени отсутствуют и здесь. В точности как у посона Данте. (Не имею в виду ничего такого, Господи: встретила в инете фразка – Джон Посон, архитектор света и пустоты – вот и состыковалось малехо.)

Я застыла, прижмурилась и невольно представила, как буду при случае валяться там, внизу, вся в фиолетовой кровище, потихоньку сползаясь в кучку на глазах у потрясённых зрителей. Это если я от боли потеряю контроль над собой, а вездесущая вуаль скажет «вуаля». Летать мы, младшенькие, пока не шибко научились, только планируем, ага. Вниз и с жёстким приземлением.

А когда раскрыла глаза – увидела конец лесенки. Далее, по моим наземным прикидкам, должно было начаться русло глубокого потока, по которому легко ползти врасстыпырку или прыгать горным козлом, соединяя противоположные склоны невидимой «верёвочкой».

Но там был порог. И над очень горизонтальным порогом – вполне вертикальная дверь. Даже с начищенной латунной ручкой в виде симпотного дракончика с кожистыми крыльями.

– Ни фигасе трип, – пробормотала я, тихонько общупывая в дубовую клёпку. – И куда это отворяется? Если наружу...

Конечно, «это» услужливо втянулось в глубину вместе с моей правой рукой, инстинктивно взметнувшейся к туловищу тварюжки, и верхней половиной туловища. Левая рука с риском отдавить себе пальцы вонзилась в косяк, ноги болтались в воздухе – босоножки вырвало из песчаника с корнем, а на коленях, как их ни подгибай, коготков и клыков не появится.

Хорошо, что дверь была тяжелая, инерция – мощная. Меня проволокло тощим пузом по камню и оставило в прихожей.

Я вскарабкалась на четвереньки, потом стала прямо, удивляясь, куда подевалась знаменитая дирговская мощь.

Впереди светилась тенистая галерея с закруглёнными сводами. Толстые свечи на воткнутых в белые стены рогульках пахли воском и липовым мёдом. Ну, может быть, луговым или цветочным – не знаю. По ногам тянуло вольным ветром, факт образовавшимся без участия кондиционера. Пол был устлан каким-то сухим гербарием, который слегка ерошился и пружинил под ногой. Я подняла руку: немного подпрыгнуть – и пальцы коснутся потолка в самой верхней точке. Там то и дело попадались круглые бронзовые штуковины с гравировкой – тот же дракон, что на дверной рукояти, перемежался с четырехконечным крестом или мечом. Я давила на них, пробовала поворачивать на лету – никак не поддавались.

– Ни одного выхода, сплошной вход, – сказала я себе. – Такой прикольный сеттинг.

Повернуть назад и отчалить было бы полнейшим тупизмом. Нора с одним входом в любом случае нонсенс: не ты, так хозяин знают второй.

Вот и отыщем сначала хозяина.

Как только я так подумала, меня шатнуло вперёд, и мой бедный румпель воткнулся в побелку. Нет, в натуральную меловую или там песчаниковую перегородку. С небольшой дверцей из того же выдержанного дуба, на этот раз филёнчатой.

– Глюки, – произнесла я вслух. – Ненатуральные.

И вошла, повернув ручку-защёлку такой же работы, что наружная, но в виде летучей мыши с перьями.

В келье было тихо и тепло. Никаких отверстий в стенах. Никакой мебели, кроме распятия, высокого матраса с крышкой, тумбочки с чудным плоским светильником на ней и ночной вазой внутри – и кресла на колёсиках, с откидным пюпитром. На пюпитре боком стояла порожняя эмалированная миска, глаза прям затянуло в её пухлые розы, и лишь потом...

Старик в кресле почти сливался с прочей обстановкой, но факт ею не был. Хрупкое, глазастое тело в бесформенной серой хламиде и плюс к тому – в одеяле, стянутом вокруг тела вроде кокона, воззрилось на меня очень даже осмысленно и с юмором.

– Я ожидал кого-нибудь покрупнее, – проговорил он, облизнув сморщенные губы.

– М-м?

– Девочка, я не имею в виду ваш баскетбольный рост. Вы ведь совсем юное дитя, верно?

– А с какой стати вы кого-то там ожидали? – обиделась я.

– Вам что объяснить: технику действий или причину? Да садитесь на ложе, оно ортопедическое. Кокосовая стружка, пружины каждая в отдельном чехольчике, экологический бархат. Ну, допустим, я приманил кого-то из вашего народа особенным запахом, как бабочку или пчелу.

Аромэ и в самом деле царил специфическое: пресной еды и питья, изнурённого лекарствами тела, совсем чуточку – кала, пота и мочи. Вытяжка в камере была отличная, но нюху дурга это обстоятельство никакая не помеха.

– Ладно уж, приманили. В колдовство я не верю.

– А в свободу воли?

Интересный получается базар. Философски заточенный.

– В свободу воли – так себе.

– Правильно. А в свободу выбора?

– Верю.

Он кивнул.

– Так вот. Я почувствовал, что именно в эти несколько дней настал пик моей независимости. Особенная легкость разрыва уз. Не то чтобы мне совсем не нравилось моё тягостное положение. Видите ли, я наполовину парализован и к тому же привык к одиночеству настолько, что не будь у меня свободы покончить самоубийством, я бы уже давно отравился и сдох от одного вида всех этих волонтеров, сиделок и прочих христарадников. Я тут устроился так замечательно, что не только прежде, но и теперь могу обслуживать себя всю неделю напролёт.

– Ох, а почему дальше так не получается, дядюшка?

– Прости, малыш. Как тебя...

– Синдри-Искорка. Я должна была назваться первой, что ли?

– Отец Пелазий. Крокус, Шафран, где-то даже Первоцвет.

– Священникам церковь запретила покушаться.

– Как и всем. Только вот мне девяносто лет с солидной прибавкой. Говорят, у молодых самоубийство – мольба о помощи, которую никто не услышал, у стариков – только мольба о смерти. Помочь-то можно почти всему и практически всегда. Вопрос – каким образом. Допустим, по большому счёту мне не хочется больше ничего.

– Но это в точности наоборот, – вдруг я вспомнила еще один афоризм из цитатника, содержимым которого мы перебрасывались. – Самоубийца именно потому и перестаёт жить, что не может перестать хотеть. Это Шопенгауэр сказал.

– Ты от природы умна и учёна, как все пралюди. Логры. Дирги.

Я пустила промеж ушей то, что меня удивило: успею ещё подумать насчёт троглодитов.

– Так пойдёшь мне навстречу? Если что-то у меня выходит не по правилам и ты отказываешься – зачем я буду тратить время на договорную болтовню. Мне это, представь себе, нелегко без морфина. Одышка доняла и в лёгких как огнём палит.

– Каждому из нас суждено умереть – но не стоит класть голову в пасть льву, – провещала я нечто в восточном духе. Саади Ширази, кажется.

– А кто здесь лев – ты, что ли?

Он даже чуть приподнялся. Коварная миска только того и ждала: сорвалась ему на колени, потом на гладкий пол и поскакала дальше, расплёскивая со дна жидкую харкотину.

– Так. Синдри, ты точно не знаешь всего обряда. Не умеешь вести разговор по чину. Судя по всему, у тебя это вообще впервые. Так какого же рожна, извини, ты идёшь сюда без сопровождающего?

– А я вовсе не затем, дядюшка Крокус, – пробормотала я. – Порочное любопытство, знаете ли. Адреналинчику в катакомбе хлебнуть.

Мы никак не могли договориться насчёт брудершафта. По крайней мере такого.

– Ладно, ныне отпускаешь. Жаль, в кой-то веки граница по мне проходит. Такая штука вроде мембраны: здесь мы с тобой, там – Великое Может Быть. Может, ещё успеешь послать мне своих взрослых. Да, ты возьми в ящике тумбочки, мне упаковку хорошего зефира принесли, на агаре, свежего. Наверху, в саму тумбочку не лазь. Я уже не смогу.

– Я тоже.

Наверняка горшок в нижней части был, скажем так, не очень мытый. Опорожнялась посуда факт над малой дыркой в полу, куда экономно сливали все ополоски.

– Синдри, я ведь знаю, что вы умеете кушать. Только вам это не очень нужно.

Сказал это – и понял. Сначала одно, потом другое.

Нет, я бы сумела одолеть первичную брезгливость, но как-то враз поняла, что никаких прощаний сейчас не будет. Что отцу Пелазию именно что требуется скалолаз и авантюрист. С пустым желудком.

– Родичи далеко, а перемещаемся мы не одним махом, – ответила я с ледяным ужасом в душе. – Давайте уж как-нибудь сами. Вы точно-точно жалеть не будете?

– Деточка, у меня была такая разнообразная жизнь, что ты удивишься. А теперь только и осталось, что плевать в стерильный сосуд. Ну да, можно согласиться на медицинскую суету вокруг дивана. Кресла там, матраса, ну, ты понимаешь. Но лучшего времени явно не предвидится. Боль, тоска, тягомотина, заberi меня, Господи, и прочее. А Он скажет: «Я ж тебя давно уже куда надо послал».

– Только я не очень умею насчет зубной наркоты.

– Да полно тебе. Со сверстниками, что ли, в кустарнике не возилась? Шрамики от чужих когтей у тебя совсем свежие. А после боя вы же друг друга лечите... хм... вливаниями.

И устраиваем озорную тусню на манер щенков. От эндорфов голова делается свежая-свежая и звонкая, никакой усталости, в том числе и там, где пониже. Обмен ихором – тоже часть любовной игры.

Нет, но откуда он знает? Исповедником нашим работал?

– Дядюшка, вы не обижайтесь, если я... ну того... больно вам сделаю.

– Что ты. Только скажи твоим старшим: пускай не дожидаются, пока из меня получатся нетленные моши. Тут воздух, как в лавре, а в стеклянную витрину мне класться неохота.

Всё получилось на автомате. Кажется, с морфином я перестаралась, а пробовать чужую кровь было так же кайфово, как впервые закрутить косячок. Типа спасибочки, но второго раза не нужно.

Если вас ещё не корёжит от моих признаний, добавлю, что совесть меня не угрызала. Вроде как баюкать младшего братика. Да, я ещё вынула старикана из кресла, распрямила и уложила на матрас, а потом с головой прикрыла его драным пледом. Он ведь и сам мог так устроиться, верно? И вообще – не к лицу новообращённому диргу замечать следы, будто он преступник.

Возвращалась я по коридору, обставленному по обеим сторонам дверьми. Должно быть, отец Пелазий умел отводить глаза. Кажется, такое состояние, как было у меня, называется «ментальной слепотой». Таким оно и оставалось на некоторое время: надо же, и в головку не стукнуло поискать за одной из ближних к келье дверей лифт с противовесами, на котором прибывали-отбывали обычные посетители!

Как сползла вниз с горы – вот этого никому не скажу. Самое жуткое, что было в моей молодой, неокрепшей жизни.

А на следующее утро, представьте себе, заявился душа-моя-Трюг. И первое, что сказал, вытащив похмельную меня из постели:

– Чего смартик отключила? Наши волнуются, как твоё крещение прошло.

Я впилилась с него прямо-таки восьмигранными очатами.

– Анахореты не любят, чтобы дирги ходили парой, – добавил он. – Напоминает им адвентистов Седьмого Дня.

– Вот засада! Ну, ты и паскуда, кун.

– Не один я, тогда уж мы все, милейшая тьян. Посуди сама: ты бы согласилась, если бы тебе расписали всё как есть? Факт бы отказалась с негодованием.

– Ты ещё зубками скалишься?

– Синдри, если б не этот случай – было бы куда хуже и тошнее.

А что я вообще не хотела ничего такого. Что думала завязать...

Нет, я была идиотка, и притом идиотка вдвойне.

Первое: дирги смертны, но в любом случае не как люди. Чужая планида мне никак не грозила.

И второе. Будь я человеком – мне что, хотелось бы испытать, каково быть немощной, дряхлой, набитой хворьями по самую верхнюю пробку – и от всего этого глухой к верхним зовам? Такой, каким страшился стать дядюшка Пелазий?

Я хотела бы для приличия ещё повыламываться перед Трюгтви. Ну, типа того, что такому уважаемому попу-исповеднику диргского народа полагался бы сильный муж. Тем более что так принято: вспо-мо-ществование в будущих родах и какая ни на то реинкарнация. Я если и сумею внести частичку этого шафрана, то в одну почку-девочку. И прочее, и прочее...

Только в форточку прямой цитатой из писателя Набокова влетела коричнево-золотая бабочка вполне тропических размеров; описала круг под потолком и легко выпорхнула назад.

Разумеется, это дурацкое совпадение, но глаза у неё на крыльях были такого же голубого оттенка и так же обведены густо-серым, как у моего первого человека.

7. Трюггви

Народ мы чадолюбивый, оттого содержимое наших семей способно вызвать у посторонних не один вопрос. Ладно – взрослые, чей наглядный возраст колеблется от двадцати до тридцати пяти. Ладно – «почки»: месяцам к четырем внеутробного развития они уравнивают себя с человеческими детёнышами во всём, кроме подвижности и болтовни. И сообразительности: поэтому при случае легко переносят маскировочный свивальник и кляп в форме соски-пустышки. Это когда к диргам заявляются гости.

Гораздо труднее приходится их родителям, когда они пытаются объяснить, кто из младенцев чей. Вернее, сочинить по этому поводу приемлемую сказочку для непосвящённых и посвящённых наполовину. Как говорится, врать легко, трудно сговариваться. Если учесть, что уровень диргской откровенности должен очень тонко изменяться в зависимости от собеседника-человека (вот с покойным Пелазиусом было легко – он был посвящён почти во всё, что мог понять), – все не-смертные постоянно балансируют на грани срыва.

Дети в нашей семье подкопились совсем недавно. Мы с Хьяром сотворили в узаконенном браке двоих мальчишек – одного он, другого я. Так иногда бывает с удачно слаженными парами. Руна уже после Синди отъединила от себя ещё девчонку. Не в таком толерантном обществе, как современное, отцом всей звёздной тройчатки считался бы Хьяр. Нет, пожалуй, что и я: приёмная дочка не годится и в любовницы, не то что в жёны. Сами детишки тянутся к родной крови – никакой мистики, просто нюх у них щенячий, – и это сильно ухудшает нам конспирацию. Мордажами они мало друг на друга похожи, хотя пепельно-блондинчатый генотип выручает. Кроме того, своих крестильных имён – Ивар, Марта и Влад – наши почки не любят. Уно, Дуа, Тре – куда ни шло. А Истинные Имена наши потомки получают, когда вполне проявятся склонности и характер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.